

Убрав вещи на место, Гоудань подпёр рукой подбородок и крепко задумался. Ван Сюань как-то обмолвился, что в его «пространственном кармане» зеленеют живые целебные травы, но когда сам Гоудань пытался посадить туда что-то своё, семена упорно не приживались. В чём же тут секрет?

"Кабы там можно было выращивать еду, — мечтательно подумал он, — какая бы жизнь настала! Раздобыл семян, бросил в землю — и голова о пропитании больше не болит"

Гоудань почесал затылок. Странный это был человек, да и вещицы после себя оставил чудные.

Впрочем, ломать над этим голову он не стал. Впереди ещё уйма времени, глядишь, со временем эта штуковина преподнесёт немало сюрпризов.

Он принялся заботливо переворачивать сушившиеся на бамбуковых подносах припасы. Пользуясь своим «пространственным карманом» как бездонной поклажей, мальчишки натащали из леса уйму добра, да только одними сушёными грибами да ягодами сыт не будешь.

Зерно по-прежнему оставалось главной заботой. Мяса в их доме не видели уже сто лет, да и масло давно кончилось. Зато мыть посуду теперь — одно удовольствие: ополоснул водой, и готово, даже тереть от жира не надо.

Гоудань поскрёб макушку, прикидывая свои возможности. Силы и прыти у него теперь хоть отбавляй, а вот других талантов пока не прибавилось.

Отец сейчас из кожи вон лез, зарабатывая рабочие баллы, так что всё домашнее хозяйство легло на плечи мальчишек. Было видно, что Лао Сы на пределе сил. Если после этой изнурительной осенней жатвы не подкормить его как следует чем-нибудь сытным, он точно свалится с какой-нибудь хворью.

"Мясо... Ах, мясо!" — у Гоуданя при одной только мысли слюнки потекли.

Он задумался, не выменять ли весной цыплят. Он смутно помнил, что раньше у них водились куры. Но стоило им немного подрасти, как бабушка принималась жаловаться на здоровье и требовать бульона для поправки сил. Так она, наведываясь каждые три дня, перетаскала всех подчистую — две несущки и петух благополучно сгинули в её утробе.

Из-за этих пустых хлопот отец с сыном остались ни с чем, и после этого Ли Сы зарёкся заводить какую бы то ни было птицу.

Время незаметно близилось к полудню. Во двор не спеша вошёл Ван Сюань, бережно прижимая к груди охапку какого-то тряпья. Гоудань поднялся навстречу, собираясь идти в дом разводить очаг.

— Гоудань-гэ, постой, помоги мне!

Гоудань повернулся и подошёл ближе.

— Что там у тебя?

— Да ты взгляни.

Куча ветхого тряпья в руках Ван Сюаня вдруг шевельнулась. Гоудань вопросительно уставился на него, не спрашивая, что это за фокусы. Ван Сюань расплылся в улыбке, отчего его аккуратные, тонкие черты лица стали ещё милевиднее, а глаза превратились в весёлые полумесяцы.

— Это щенята! У собаки из родной деревни невестки старой тетушки родились щенки, девать некуда. Топить рука не поднялась, вот и раздают даром в добрые руки — двор охранять. Бесплатно! — Глаза Ван Сюаня так и лучились искренним, детским восторгом.

Он с надеждой заглянул Гоуданю в лицо. Тот в ответ лишь озадаченно почесал затылок.

— Отец не разрешит. Нам самим есть нечего, откуда взять еду на лишний рот?

Огонёк в глазах Ван Сюаня угас, уступая место горькой обиде. Он и сам жил в этом доме на птичьих правах, какой уж тут щенок?

Гоудань раздвинул края рваного ватника. Внутри копошились два мягких, упитанных шерстяных комочка. От внезапного холода они слепо тыкались мокрыми носами во все стороны, забавно попискивая и отыскивая тепло. Выглядели они на редкость умиительно.

Редкий ребёнок устоит перед такой картиной. Сердце Гоуданя дрогнуло. Он осторожно взял одного за шкурку и приподнял. Тот уморительно заболтал лапками в воздухе и тоненько, по-детски твякнул.

— Ладно, берём! Будем растить.

Лицо Ван Сюаня мгновенно просияло. Он широко улыбнулся, выставив напоказ щербинку от выпавшего зуба. Он прекрасно понимал: начини он сам просить, ничего бы не вышло. Но если за дело взялся старший брат, то дядя Ли Сы хоть и поворчит, а выгонять щенков на улицу не станет.

— Умницы какие, хорошие... — запричитал Ван Сюань. — Пускай пока тут полежат, а мы за обед примемся. Дядя скоро с поля вернётся.

Гоудань согласно кивнул. Щенят бережно устроили в тёплом гнезде из тряпок, а сами мальчишки дружно взялись за готовку. К моменту, когда на пороге показался Ли Сы, скромный обед уже дымился на столе.

Отец затянул пояс ещё туже, пытаясь обмануть пустой желудок. Зачерпнув ковшом студёной воды из кадки, он принялся яростно тереть лицо и шею прямо во дворе. Кожа на шее от едкой соломенной трухи и пыли покраснела до багровости, а под палящим солнцем, когда прошибал пот, зуд становился просто невыносимым.

Ледяная вода принесла долгожданное облегчение. Гоудань расставил глиняные чашки и позвал отца к столу. Ли Сы глухо отозвался, распустил натянутый ремень и с трудом выпрямил натруженную спину — позвоночник отозвался сухим, глухим хрустом.

Приняв из рук Ван Сюаня глубокую чашку с жидкой похлёбкой, он принялся шумно, вздохнув, есть, не забывая ласково хвалить мальчишку за старание. На самом же деле стряпня была самой бесхитростной — просто варево из того, что удалось раздобыть, на один вкус.

Грубые кукурузные лепёшки царапали горло, отдавая горечью и кислинкой. На закуску подали всё ту же приевшуюся квашеную зелень да наспех сваренные в солёной воде побеги бамбука. Те тоже изрядно горчили, но были хотя бы свежими.

Впрочем, для бедняцкой семьи такие вкусы были делом привычным. Язык давно притерпелся к горечи и терпкости, так что никто не жаловался. Ли Сы всю жизнь питался подобной бурдой и вырос на ней, так что к еде не привередничал — лишь бы набить утробу.

Настоящим праздником для них были шкварки, которые удавалось попробовать разве что на Новый год. В прежние времена, когда они жили вдвоём с маленьким Гоуданем, отцу приходилось есть полусырую стряпню на скорую руку. Теперь же, когда в страду некогда было вздохнуть, иметь дома расторопных помощников, способных приготовить горячее, казалось великой милостью небес.

Ван Сюань справлялся у очага куда лучше самого Ли Сы и Гоуданя. Дикую зелень он перед варкой обязательно ошпаривал кипятком, убирая лишнюю горечь, а не швырял в чан как попало, превращая в подобие свиного месива.

Подумав об этом, Ли Сы пришёл к выводу, что лишний рот в лице приёмыша полностью себя окупает. По дому от ребят была огромная помощь, и теперь, возвращаясь изнурённым с полей, он мог не думать о бытовых хлопотах.

Быстро расправившись с обедом, отец поспешил прилечь на кан, чтобы вытянуть гудящую спину. Каждое сочленение отозвалось острой ломотой, смешанной с блаженным облегчением, и он натужно, протяжно вздохнул.

— Отец, давай я тебе спину потопчу? — предложил Гоудань.

— Давай, сынок, сделай милость, — со стоном отозвался Ли Сы, тяжело укладываясь на живот.

Гоудань взобрался на кан. Ручонки у него были слабые, кулачками размять забитые мышцы взрослого мужчины он бы не смог, а вот веса его тела для хорошего массажа ногами хватало с лихвой. Гоудань принялся аккуратно переступать по отцовской спине.

Закончив топтаться, он взял у Ван Сюаня глиняную плошку с густой, пахучей мазью и густо наложил эту липкую кашицу отцу на поясницу. От внезапного ледяного прикосновения Ли Сы, у которого уже слипались глаза, вздрогнул и на миг очнулся от полузабытья. Но вскоре лекарство начало приятно греть кожу, проникая в самую глубь ноющих мышц.

Не прошло и пары минут, как из комнаты раздался богатырский храп. Спать мальчишки не собирались. Соскребя со стенок котла остатки жидкой кашицы, они принялись кормить пищащих щенят прямо во дворе.

— Старая тетушка говорила: если начали сами лакать, значит, выкарабкаются, — негромко шепнул Ван Сюань.

— Как мы их назовём? — задумался Гоудань.

— Может, Чернышами? Хотя нет, в деревне у Чжанов мальчишку Хэйцзы зовут. Если псов так назвать, его мать нам всю голову оторвёт.

Люди могут носить клички животных, а вот давать собакам человеческие имена в деревне считалось делом предосудительным.

— Пусть будут Игуай и Эргуай, — улыбнулся Гоудань, глядя щенка по мягкому брюшку. — Гляди, какие смирные.

Наблюдая за неуклюжими комочками, Гоудань радовался как младенец. Он и не подозревал, что ангельский вид этих созданий обманчив. С наступлением первой же ночи им предстояло познать обратную сторону собаководства.

Вскоре со стороны сушильного тока разнёсся резкий металлический звон — старый староста созывал людей на работу. Обеденный перерыв длился всего час. Благодаря расторопности сыновей Ли Сы успел сытно поест и выкроить полчаса на короткий сон, тогда как другим колхозникам приходилось спешно глотать еду и бежать обратно на делянки без минуты отдыха. Время в страду ценилось дороже золота.

Никто не знал, когда зарядят затяжные осенние дожди. В этих краях погода вечно выкидывала коленца: когда посевам требовалась влага — стояла сушь, а стоило начать сушить зерно — небо затягивало тучами. Крестьянская доля целиком зависела от капризов природы, так что приходилось дорожить каждой минутой погожего дня.

Ли Сы поднялся с кана и, нащупав на поясице подсохшую корку, удивлённо спросил:

— Это ещё что за грязь?

— Ерунда, целебная мазь, — отмахнулся Гоудань. — Как спина-то? Легче стало?

Расспросить подробнее времени не оставалось. Ли Сы торопливо кивнул, натянул засаленную куртку и бегом пустился к месту сбора бригады.

Спустя десять дней изнурительной, непрерывной работы весь урожай наконец-то был убран в закрома. Многие сельчане от перенапряжения слегли с лихорадкой, и завершать последние работы пришлось немногим уцелевшим. Ли Сы и сам готовился слечь — осенняя страда оказалась куда тяжелее летней жатвы, ведь культур подошло много и убирать их приходилось в несколько этапов, без передышки.

Небо в этот раз словно сжалилось над людьми: за все дни пролилась лишь пара лёгких грибных дождей, которые не успевали даже прибить пыль, как снова выглядывало жаркое солнце.

Когда зерно благополучно перекочевало в закрома, вся деревня Сикань вздохнула с облегчением. Но больше всего удивлялся Ли Сы. Раньше после такой пахоты он пополам сгибался и разогнуться не мог неделями, а теперь, несмотря на жуткую усталость, спал как убитый, а наутро спина наливалась упругой силой, начисто лишаясь привычной свинцовой тяжести.

Он начал смутно подозревать, что всему виной та странная липкая мазь, которой его мазали сыновья. Но откуда у них такое чудо-лекарство? Поначалу-то он решил, что Гоудань просто балуется, как обычно, облепив отцовскую спину речной грязью ради забавы.

Уж в чём-в чём, а в проделках своего сорванца Ли Сы разбирался лучше всех в деревне. Когда Гоудань был помельче, сладу с ним не было никакого: этот сорванец вполне мог спящему отцу на спину навалить мокрой глины и весело шлёпать по ней ладошками.

Но Ли Сы души не чаял в сыне и прощал ему любые шалости. Лишь бы чужих людей не обижал, а дома пусть хоть на голове ходит. Разве жалко спину под игры родному дитяти отдать?

При таком баловстве Гоудань вырос на редкость бойким на язык и дерзким, но, к счастью для отца, в душе остался добрым малым. Ли Сы в этом плане несказанно повезло.

И всё же дело с мазью казалось крайне подозрительным. Ли Сы твёрдо решил расспросить ребят, как только выдастся свободный вечер.

Тем временем щенята окрепли и уже всюю семенили следом за маленькими хозяевами по

двору. Бегали они ещё нетвёрдо, то и дело заваливаясь на бок, но главное — выжили. Первая ночь в новом доме едва не свела всех с ума. Кто бы мог подумать, что эти тихие днём комочки окажутся такими горлопанам в темноте?

Стоило погасить лампу, как они принимались жалобно и пронзительно скулить. Изнурённый работой Ли Сы даже спать не мог под этот аккомпанемент. В конце концов терпение его лопнуло, он поднялся и безжалостно выставил коробку со щенками за порог.

Но и на улице писк не прекратился. Малыши впервые оказались вдали от материнского тепла и горько оплакивали свою горькую участь. Гоудань ворочался с боку на бок, затыкая уши, пока Ван Сюань тихонько не выскользнул в сени и не притащил бедолаг обратно. Он устроил их прямо на кане у себя под боком. Почувствовав живое тепло, щенки наконец притихли и сладко заснули.

Наутро Ли Сы знатно разозлился. Спросонья-то он не сразу понял, откуда в доме взялись эти проглоты. И в кого только Гоудань такой жалостливый уродился — вечно всякую живность в дом тащит! Да это же чистый перевод продуктов!

Гоудань в оправдание лепетал, что собаки вырастут и будут стеречь двор. На что отец лишь угрюмо отмахивался: мол, в их халупе красть совершенно нечего, разве что голые стены стеречь от ветра.

Но куда там взрослому переспорить упрямого мальчишку. Щенков в итоге оставили. Поскулив ещё пару ночей, малыши обвыклись и признали новый дом своим.

Одно только плохо — мелкие прохвосты быстро смекнули, как уютно спать на тёплой лежанке. Стоило оставить их на полу, как они устраивали под каном жалобный концерт. Сердце Ван Сюаня обливалось кровью, поэтому каждую ночь, дождавшись, пока из угла раздастся мерный отцовский храп, он втихаря затаскивал щенков к себе под одеяло.

Ли Сы спал без задних ног, оглашая комнату заливистыми руладами, и даже не подозревал, что делит ложе с собачьим семейством. Узнай он об этом — обоим щенкам в ту же минуту пришёл бы конец, улетели бы в глубокий овраг на Гору Красной Вершины.

Через полмесяца Игуай и Эргуай уже уверенно ориентировались по запаху и весело семенили следом за ребятами. Лапки у них были короткие, неповоротливые, и частенько, когда Гоудань резко разворачивался, он случайно задевал бедолаг ногой или наступал на крохотный хвост. По двору тут же разносился истошный визг обиженных щенят.

Впрочем, обида быстро проходила. Малыши тут же забывали про боль и снова пускались на поиски хозяев, забавно перебирая лапами. Так они и кружили по двору: двое работающих мальчишек и двое хвостиков, то и дело спотыкающихся на ровном месте.

Вдруг у ворот раздался звонкий крик:

— Гоудань! Гоудань, ты дома?

Гоудань высунулся из дверей и гаркнул в ответ:

— Чего орёшь? Здесь я!

— Пошли на поле сладкий картофель собирать!

Колхозный батат уже убрали и разделили по дворам, но в земле всегда оставалось немало упущенных клубней. Для деревенской детворы это было золотое время. Находки можно было тут же запечь в золе и пировать весь день напролёт. Родители ребят не искали — в деревнях так испокон веков заведено: пока светло, дети предоставлены сами себе, главное, чтобы к темноте домой возвращались.

Мальчишкам в этом плане жилось куда вольготнее, чем девочкам — те вечно были привязаны к домашнему хозяйству. Парней же до поры до времени особо не неволили, и до самого совершеннолетия они наслаждались относительной вольницей.

— Сейчас, погоди! — крикнул Гоудань.

Такое развлечение было Гоуданю по душе — упускать возможность повеселиться он не собирался. Быстро пристроив немытые доски в угол сеней, они с Ван Сюанем заперли щенков в доме, похватили рогатки и вихрем вылетели за ворота.

— Куда нацелились сегодня? — на ходу спросил Гоудань у пристроившегося рядом приятеля.

— На западный склон, к каменистым участкам. Там плуг плохо берёт, наверняка куча картофеля осталась. Вчера Эрьюэ там откопал два здоровых клубня, во какие!

— Идёт! — подхватил Ван Сюань, поудобнее перехватывая плетёную корзинку.

Мальчишки с весёлым гиканьем припустили к окраине деревни.

Пока взрослые хмурились, подсчитывая запасы зерна на зиму, ребятня не знала забот. Они тоже ведали о тяготах жизни, но стоило затеять весёлую игру, как все печали мгновенно улетучивались из детских голов.

Вскоре над перепаханым полем, где давно пожухла и высохла трава, потянулись тонкие струйки сизого дыма. Землю перерыли основательно, так что случайного пожара можно было не опасаться.

Набрав сухостоя, детвора сложила весёлый костёр. Спички тащили из дома поштучно, кто сколько мог умыкнуть у матерей, но на общее дело этого богатства вполне хватило.

Стоило одному пламени весело затрещать, как по всему кособору один за другим начали вспыхивать новые маленькие костры.

Печёный батат, измазанный сажей и золой, казался ребятам изысканным лакомством. В эти голодные годы любая горячая еда шла за милую душу.

— Гоудань, ты чего носишься как угорелый? — удивлённо протянул один из мальчишек, вытирая перемазанное сажей лицо. — Да и Ван Сюань, гляжу, бегать стал шустрее прежнего.

— Тоже мне новость! — фыркнул Гоудань, горделиво задрал нос. — Я всегда вас всех обгонял.

— Да ты скачешь прямо как заяц-русак!

— Это точно. Во всей бригаде быстрее Гоуданя никого нет.

Мальчишки наперебой зашумели, обсуждая, кто кого перегонит, и разговор быстро свернул на другие ребячьи темы. В детской компании беседы текут вольно — уцепились за одно слово, перескочили на другое, а с чего всё началось, уже никто и не вспомнит.

— Слыхали, а учительница Чуньфан-то за учителя Чэня замуж выходит! Правда это или брешут? — заговорщически спросил кто-то у костра.

— Чистая правда! — авторитетно заявил один из пацанов. — Моя бабка сама к ним свахой ходила, все пороги оббила.

— Эх, жалко... Учительница Чуньфан такая добрая, красивая. Учитель Чэнь, конечно, тоже человек уважаемый, но всё-таки...

Мальчишки замялись, не в силах толком объяснить свои чувства. Молодая, нежная и улыбчивая Чуньфан была тайной любимицей всей местной детворы, так что её скорое замужество живо обсуждалось даже среди малолетних озорников.

В начальной школе коммуны преподаватели надолго не задерживались — в основном это были либо родственники партийного начальства из уезда, либо присланная из городов образованная молодёжь. Почти все они были молоды и полны столичных амбиций.

Гоудань слушал эти сплетни краем уха. К школьным наставникам он питал стойкую неприязнь. Слишком уж он выделялся среди послушного стада, вечно так и норовил вставить колкое словцо на уроках, за что учителя платили ему взаимной нелюбовью.

Школьный мирок таил в себе немало скрытых интриг. Тёплые местечки учителей доставались далеко не каждому встречному. У Гоуданя за спиной не стояло влиятельной родни, которая могла бы замолвить за него словечко перед директором, да и примерным поведением он не отличался, так что кое-кто из чванливых учителей откровенно кривился при его появлении.

Мало того, что он вечно спорил по любому поводу, так ещё и общественные работы на школьном огороде за версту обходил. На каждое замечание у этого сорванца находился такой хлёсткий ответ, что у учителей слова в горле застревали. Кому понравится столь строптивый ученик?

В общем разговоре Гоудань участвовать не стал, хоть и знал об этом деле куда больше остальных.

"Глупые пацаны и не догадываются, какая корысть тут замешана, — ухмыльнулся про себя Гоудань. — Вся эта «любовь» шита белыми нитками. Красавица Чуньфан просто хочет зацепиться за уездную родню учителя Чэня, а тот пускает слюни на её милое личико"

Гоудань прекрасно помнил, как удрал с урока географии и засел в рощице за школой. Сидя в кустах, он невольно подслушал их сговор — без протекции Чэня этой девице ни за что бы не видать учительского места в коммуне.

Учитель Чэнь был старым плешивым сморчком, и с чего бы такой красавице вешаться ему на шею за просто так? Хотя Гоудань был ещё несмышлёнышем во многих сердечных делах, житейскую выгоду он чуял за версту.

Разворошив прутиком угли, он аккуратно выкатил испечённый батат. Кожура обуглилась до черноты, но внутри мякоть сладко упрела. Он постучал по клубню палочкой, счищая золу, и принялся перебрасывать горячую картофелину из ладони в ладонь, остужая.

Разломив клубень пополам, он протянул сочащуюся сладким паром половинку Ван Сюаню.

— Тот батат, что дома остался, отец собирается заложить в погреб либо порезать на сушку.

— Зимой только его и будем лопать. Животы раздует, изведёмся все на газы, — вздохнул Ван Сюань, принимая угощение.

— Пустяки! — весело отозвался Гоудань. — Я могу сварганить одну мазь или порошок из трав, и пучить перестанет.

— Ну уж нет, избавь! — поспешно замахал руками Ван Сюань.

Он прекрасно знал, что медицинские опыты Гоуданя пока далеки от совершенства. Излечит от газов — так взамен одолеет безудержная икота или, чего доброго, запор. Ищи потом спасения

в кустах, кормя ненасытных москитов.

— Да точно тебе говорю, в этот раз я рецепт выверил! — уверял Гоудань.

Но Ван Сюань лишь упрямо мотал головкой. Лучше уж прослыть невоспитанным запевалой в избе, чем испытывать на себе чудодейственные пилюли названного брата.

Солнце медленно катилось к закату, окрашивая небо в багровые тона. Наигравшись, мальчишки тщательно засыпали костры землёй, чтобы ни одна искорка не тлела, и шумной гурьбой побрели по домам.

Вечером Ли Сы, уплетая ужин, строго наказал сыну:

— Завтра чтоб никаких гулянок. Пойдёшь со мной наш личный огород копать, надо батат прибрать до заморозков.

— Отец, так нам же завтра в школу надо, — напомнил Гоудань.

— Ах да, совсем из головы вылетело... — пробормотал Ли Сы.

К учёбе он относился двояко: с одной стороны, грамоту уважал, а с другой — не видел в ней особого толку для деревенского жителя. Все соседские ребята ходят в школу, вот и его сын пускай идёт. Только в глубине души отец понимал, что судьба у Гоуданя одна — до скончания веков гнуть спину на колхозных полях.

Выбиться в люди и получить заветную «железную чашку риса» для крестьянского сына было делом почти невозможным. Школа для деревенских ребят служила скорее приютом, где они могли переждать время, пока не подрастут для настоящей мужской работы в поле.

Ли Сы не питал пустых иллюзий и не требовал от сына отличных отметок. Как бы сильно он ни любил своего Гоуданя, суровая правда жизни колола глаза: у отца-пахаря сын министром не станет.

Но раз уж парень тянется к знаниям — пусть учится.

— Ладно, иди. И води себя смирно, учителей слушай, — только и вздохнул Ли Сы.

Миновала ещё одна неделя, и для Гоуданя с Ван Сюанем настала пора зимних экзаменов. Вопросы для контрольных составляли сами местные учителя, они же и назначали даты по своему усмотрению. В уездном отделе образования давно царила неразбериха, в городских средних школах уроки велись через пень-колоду — ученики больше митинговали, чем занимались делом.

До глухих деревень уездным властям и вовсе дела не было: школа сама утверждала учебный план и отправляла отчёты наверх ради галочки. Сельская ребятня, на удивление, училась исправно и без лишней смуты, оставаясь едва ли не самыми прилежными учениками в округе.

Раз уж директор велел провести экзамены — значит, так тому и быть.

По одной контрольной до обеда и после — вот и вся недолга, за день отстрелялись. Классный руководитель, учитель Чэнь, объявил, что через пару дней раздаст проверенные работы, и тогда можно со спокойной совестью расходиться на зимние каникулы.

До наступления первых сильных снегопадов уроки успели завершить, что не могло не радовать — ребятам не придётся мерзнуть по дороге в школу. Да и чему там могли научить? Уровень преподавания в коммуне оставлял желать лучшего: иной раз вчерашний выпускник начальной школы сам садился за учительский стол вести уроки у малышей.

Словом, кавардак стоял полнейший.

<http://bllate.org/book/19654/1988348>